

С. ФИНГАРЕТ

СКИФЫ
В
ОСТРОКОНЕЧНЫХ
ШАПКАХ

Издательский Дом Мещерякова

Туппум (Глиняная табличка)

Самуэлла Фингарет

Скифы в остроконечных шапках

«Издательский Дом Мещерякова»

1982

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)1

Фингарет С. И.

Скифы в остроконечных шапках / С. И. Фингарет —
«Издательский Дом Мещерякова», 1982 — (Туппум (Глиняная
табличка))

ISBN 978-5-00108-061-9

«Далеко, насколько хватает глаз, растекаются зелёные волны травы в пене цветов, в переливах серебристо-дымчатого ковыля. Кибитки, всадники, табуны лошадей, отары овец, стада безрогих мелких коров...» Неукротимый скифский народ, один из первых на земле нашей родины, провожает царя Савлия в последнее сорокадневное кочевание... Жестоки их традиции: служанка Одатис должна сопровождать жену царя в царстве мёртвых. Её храбрый брат Арзак готов на отчаянные поступки, ведь семья и настоящие друзья никогда не бросают в беде.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-00108-061-9

© Фингарет С. И., 1982
© Издательский Дом
Мещерякова, 1982

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	24
Глава V	32
Глава VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Самуэлла Иосифовна Фингарет Скифы в остроконечных шапках

© С. И. Фингарет, наследники, текст, 2017

© В. А. Хвостов, наследники, иллюстрации, 2017

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2017

* * *

Часть первая

Кибитка движется через степь

Персидский царь Дарий, переправив войска из Азии в Европу, решил идти войной на скифов. Для переправы своих полчищ он построил мост на реке Истре.

Корнелий Непот – римский историк. I век до нашей эры

Глава I

В последнее кочевание

Спешите, скифы, увидеть того, чьё слово звучало для вас законом, кто увеличивал ваши стада и за кем вы ходили в походы, чтобы потом на пиру, посылая чашу по кругу, приговаривать горделиво: «Вот оружие врага, оно подвешено к моему поясу». Спешите, скифы, увидеть Савлия!

Его колесница отправилась в путь. Четвёрка коней идёт по степной дороге. И зайцы стремглав убегают в лощины, и забиваются в норы сурки, едва раздаётся чавканье влажной земли под копытами. Чёрные кони похожи на ночь. Их гривы как тучи на чёрном небе. Ярче звезд сверкают бляшки уздечек. Золотые налобники светятся, словно четыре луны.

Слышите, скифы, звон бубенцов, отгоняющих духов? Вот перебор колокольчиков, пугающих горе-злосчастие. Спешите! Сюда! На степную дорогу. Царь объезжает свои владения! Оу-о!

Вереница повозок и всадников двигалась через степь. Ехали знать, дружинники, слуги. Табунщики гнали верховых лошадей. Сверкало оружие, звенели бубенцы на уздечках. От сотен копыт земля, едва успевшая сбросить снег, превращалась в чёрное месиво. Колёса кибиток с царским имуществом прокладывали неровную колею.

Шествие открывала четырёхколёсная нездешней работы повозка. Её вывез из Греции Анахарсис, брат Савлия. Четвёрку вороных, впряжённых с помощью длинного дышла, вели за поводья два безбородых конюха в двубортных кафтанах с опушкой, с обручами-гривнами вокруг обнажённых шей. Нездешние, поджарые кони беспокойно прядали ушами. Всякий раз, когда вопли и крики обрушивались на степь, конюхи вцеплялись в бронзовые псалии, державшие по бокам лошадиных губ удила. Кони храпели, рвались из рук и задирали головы до самой холки. Бубенцы на уздечках принимались греметь. В яростный клёкот пускался оберег-орёл на верху шеста, вправленного в дышло. Загнутым клювом бронзовая птица держала большой колокольчик. Гроздя пластинок и бубенцов, свисая с хвоста и расправленных крыльев, оглушительно и неумолчно брэнчали.

Клок-клок-клок! Длин-дзз-дзин! Длиннь-для-ля! – Казалось, звенит и клокочет сама дорога.

Пятьдесят отчаянных и храбрейших из числа постоянных спутников Савлия – узорчатые кафтаны стянуты наборными поясами, кожаные штаны вправлены в цветные сапожки – кружили по обе стороны повозки. Они заставляли своих коней то замедлять, то ускорять шаг, менялись местами и обходили один другого. Неумолимым перемещением дружинники Савлия напоминали роящихся пчёл.

– Оу! – раздавалось вдруг в гуще роя. – Оу-о!

Дружина летела в степь двумя несмешивающимися отрядами. Всадники на скаку выхватывали из ножен короткие мечи – акинаки, – кололи левые руки. Тёмные капли крови падали на редкую молодую траву, на лепестки горицвета.

– Оу! Савлий! – кричали гадатели в шкурах мехом наружу и вскидывали вверх гремящие бубенцами жезлы.

– Оу-о! – подхватывали остальные.

Кинжалы впивались в руки, царапали щёки.

– Оу-о!

– Савлий! Савлий! – Дружина с воплем мчалась обратно. Всадники осаживали гривастых коней возле войлочной кибитки, поднятой над землёй четырьмя высокими, в рост человека колёсами. Кони крутили крепкие шеи, грызли железные удила, высоко вскидывали передние ноги.

– Привет тебе, Гунда, супруга Савлия! – кричали всадники, кланяясь тучной женщине с красивым недобрым лицом.

Она сидела на стопке овечьих шкур в проёме открытого полога и была убрана в золото, словно дорогой самоцвет в оправу. Золотые серьги качались в маленьких мочках ушей. Золотые подвески с цепочками прикрывали виски и спускались на щёки с наведённым румянцем. Волнистые тёмные волосы были забраны под высокий островерхий венец из золотых ажурных полос. Длинное платье сверкало блёстками, как небо звёздами в тихую ночь.

– Привет тебе, Гунда, супруга Савлия! Радуйся! В жизни и смерти ты рядом с царём!

Убранная в золото не отвечала, не поворачивала головы. Взгляд её чёрных, без блеска глаз был направлен прямо перед собой. Выпростанные из складчатых рукавов ладони тяжело

и недвижно лежали на круглых коленях. На пальцах сверкали щитки золотых колец. Девять щитков были гладкими, без рисунка, на десятом – летела искусно вырезанная птица.

Не дождавшись ответа, спутники Савлия спешили занять места по бокам повозки. Они кружили от задних колёс к передним, перемещались и обходили друг друга. Но ни один не посмел обогнать коренастого широкоплечего всадника в пластинчатом панцире, надетом поверх простой куртки. Узкие рукава не закрывали ниже локтя сильных жилистых рук с браслетами на запястьях. Браслеты и гривна с фигурками львов – других украшений не было. Однако скромный наряд мало что значил. Всадник ехал впереди всех, по правую руку от царской повозки. Его серый, редкого мышинового цвета конь, лишь на полголовы отстававший от вороной четвёрки, в отличие от хозяина, сверкал дорогим убранством. Нагрудные ремни подпруг были скрыты под золотыми бляшками. На лбу выступала головка оленя с ветвистыми раскидистыми рогами.

«Кони не знают, чем кончится путь длиной в сорок дней, – думала женщина в белой кибитке. – А я словно вижу то страшное место, где вода ведёт битву с камнями. Копыта коней сомнут и растопчут дни. Нынешнюю луну сменит другая. Новая тоже пойдёт на ущерб, станет острой, как нож убийцы. Потом придёт чернота...»

Гунда прервала мрачные мысли и, обернувшись, крикнула в глубь кибитки: «Замолчи!»

В тёмном углу, забившись туда словно зверёк, сидела девчонка с круглым скуластым лицом, с круглыми, широко расставленными глазами. Встрёпанная, цвета соломы чёлка спускалась до самых бровей. Плакать девчонка не смела, только время от времени громко вбирала воздух своим коротким широковатым носом. И, откликаясь на жалобный звук, бежавший у заднего колеса небольшой длинношёрстный кути – пёс – принимался протяжно выть.

– Воу-у-у-у-у-у, – доносилось из-под кибитки, едва торчавшие кверху уши улавливали короткое всхлипывание.

– Оу-у! – подхватывала дружина, мчась в степь.
– Оу! – на лицах и левых руках появлялись новые раны.
– Савлий! Савлий! – плясали и бесновались гадатели.
Савлий! – гремели и ухали бубны. Уу-о! – выводили тростниковые дудки. Царь-царь! – вызванивали бубенцы.

Ничего этого Савлий расслышать не мог.

Он лежал в огромной открытой колоде, такой же недвижный, как бронзовый орёл на обухе молоточка, зажатого в пальцах правой руки. Черты костлявого лица выглядели умиротворёнными. Трудно было поверить, что под гладким лоснящимся лбом ещё недавно роились коварные планы, а мирно сомкнутые узкие губы могли раздвигаться в зверином оскале, как было в тот день, когда Савлий, не дрогнув, пустил смертоносную стрелу в родного брата. На его повозке он ехал сейчас в своё последнее кочевание.

Где, Савлий, царь скифов, твоё властолюбие, где ярость битв, буйство пьяных разгулов?

Болел Савлий недолго. Лихорадка настигла внезапно и принялась терзать, словно пантера оленя. Напрасно вокруг шатра, где на подстилке из козьего войлока метался и бредил царь, знахари сыпали пепел костей, сожжённых на круглом жертвеннике. Напрасно поили больного горячительными отварами, а на раскалённые камни у изголовья бросали чёрные жилистые листья и мелкие красноватые корешки, выкопанные в новолунье. Ни пепел, ни дым не принесли облегчения.

Три дня и три ночи, сидя на пятках, восемь гадателей раскладывали и перебирали ивовые лозы. Прутья ложились то полной луной, то её половиной, но имя духа, наставшего немочь, не открывали. Липовой коре посчастливилось не более. Восемь по восемь раз было пропущено гибкое лыко между пальцами, не касавшимися ни рукоятки меча, ни тетивы лука. Выпытать злое имя не удалось. А как прогнать зло, если не знаешь, каким именем оно зовётся? Без имени нет на него управы.

«Пусть кость, вырванную из пасти чёрной собаки, сожгут и развеют по ветру», – пошептавшись, сказали гадатели.

Сказанное было исполнено, и снова без проку.

Всю ночь Савлий метался, хрипел и хватал сам себя за горло. На рассвете стан огласился криками. Кричали и плакали так, что пасшийся неподалёку табун царских коней в страхе умчался в степь.

– Умер! Оу-о! Умер! – вопили женщины.

Мужчины стали готовиться к кочеванию.

Те же знахари, что варили отвары и растирали коренья, вскрыли тело умершего. Бормоча заклинания, они удалили все внутренности, взамен положили сухие травы и пахучие смолы, в кожу лица втёрли прозрачный пчелиный воск.

Теперь, не страшась разрушений, Савлий, сын Гнура, внук Лика и правнук Спаргапейя, мог отправиться в сорокадневный переход. Предстояло объехать все стойбища и кочевья, раскинувшиеся на пути к Борисфену¹. Сорок дней – это почти полторы луны, время долгое. Надо его пережить.

Спешите, скифы, увидеть царя! Спешите пройти с ним последнее кочевание. Идите те, у кого не счесть лошадей, и те, кто владеет одной кибиткой. Сюда! На зов бубенцов, на клёкот оберегов! За Савлием! Оу-о!

Влажная степь гудела от криков и конского топота. Прятались голенастые ибисы, кидались в лощины зайцы, замирали в норках сурки. И только жаворонки, повиснув в недосыгаемой голубизне, продолжали петь весенние песни.

---

¹ Борисфен – древнее название Днепра.

Глава II

Ночь акинака

С заходом солнца всё стихло. Луна, приподняв над краем земли свой круглый багряный щит, увидела степь, погружённую в сон.

Спали люди, провожавшие царскую повозку, – кто на войлоке спал, кто на траве.

Спали стреноженные кони. Их гривастые головы были опущены до самых копыт. В ворохе мягких бараньих шкур лежала женщина в платье как звёздное небо. За её широкой спиной, прижав колени к самому подбородку, посапывала девчонка с копной светлых волос. Лохматый пёс свернулся в клубок у заднего колеса и во сне тихо повизгивал.

Луне никто не мешал.

Сторожившие кибитку воины сидели недвижно, как высеченные из камня фигуры, предназначенные оберегать курган.

Обрадованная тишиной, луна заскользила по тёмному небу. В пути она уменьшалась и меняла свой цвет. Из багровой, как раскалённый в горне металл, сделалась цвета золота, сплавленного с серебром, и, став такой, послала на землю поток сияющих голубых лучей.

Стойбища и кочевья, близкие и далёкие, занявшие степь до самых пределов, спали, укрытые голубым светом, словно прозрачным войлоком из тончайшей шерсти козлят.

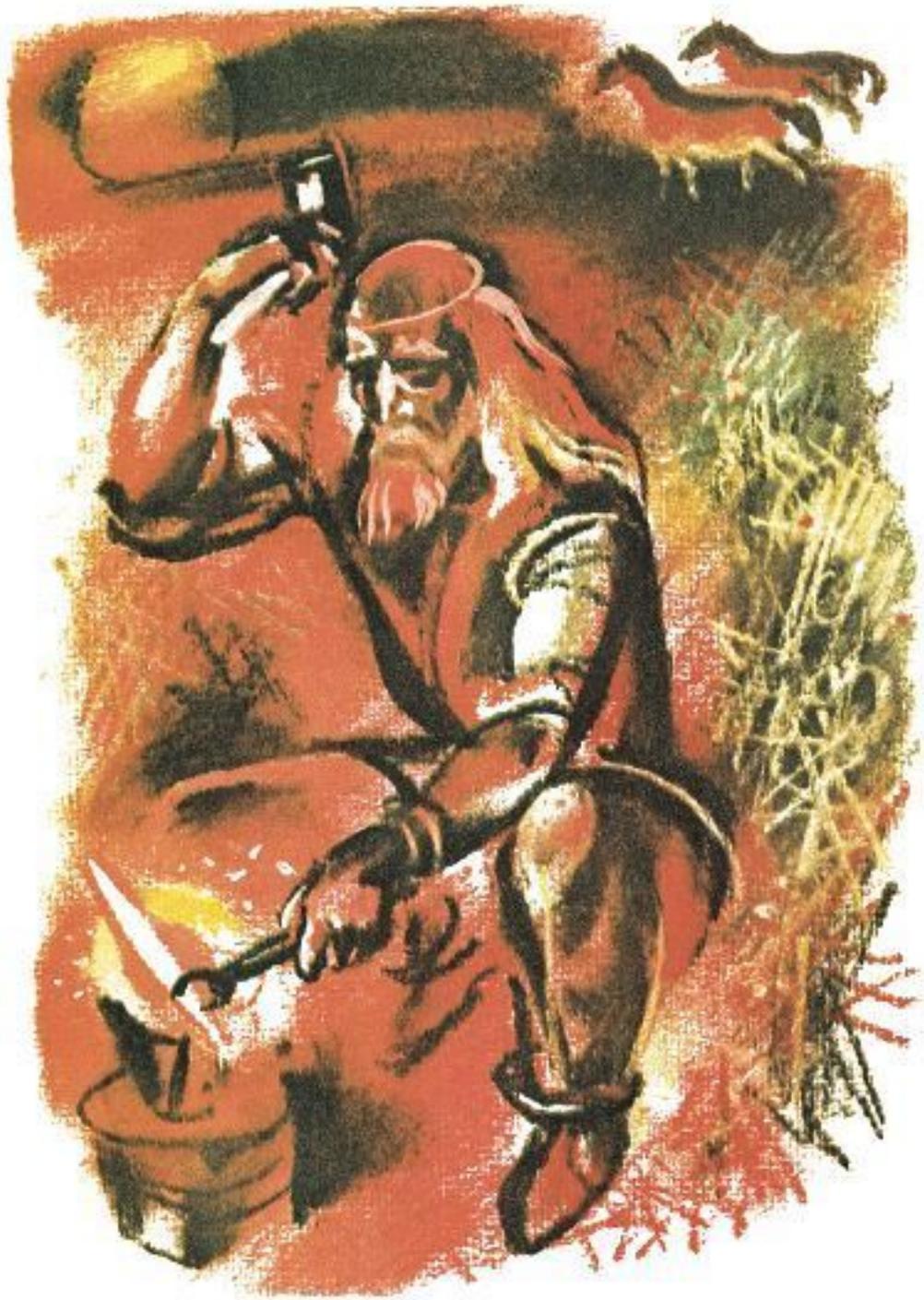
Только в одной кибитке, одиноко стоявшей поодаль от тесно сбившегося стойбища, не было сна. В ночь полной луны здесь никогда не ложились. Миррина, рабыня, купленная за пять бронзовых браслетов, и Арзак, приёмыш Старика, прислонив распрямлённые спины к высоким колёсам, не отрывали глаз от залитой лунным светом раскачивавшейся фигуры, удалённой от них на расстояние в полперелёта камня. Ближе Старик не подпускал. Тайна нетупевших акинаков принадлежала двоим: ему и луне. Недаром акинак ковался в ту ночь, когда вся сила луны при ней. Избыток она отдавала взамен на тайное слово. Старик это слово знал. Он был ведун.

Тех, кто ведаёт тайны металла, земли и неба, люди боятся. В кочевьях даже имя ведуна не смели произносить и называли его Царант – «Старый», «Старик».

– Ведун. Сто лет живёт. Деды не помнят, когда он родился.

– Его стрелы заговорённые. Его копьё пробивают медную доску толщиной в три пальца.

– В ночь полной луны в него вселяется дух. Сама луна бросает на наковальню нетупеющий акинак.

– Он оборотень, он способен обернуться в волка с зубами острее его клинков.

Это и многое другое говорили люди о Старике. Но шли к нему из далёких и ближних кочевий. Во всей степи не было мастера лучшего, чем Старик.

– Смотри, – прошептал Арзак, – сила луны льётся на наковальню. Искры так и прыгают, так и несутся.

– Он – как бог кузнечного ремесла Гефест, кующий богам оружие, – отозвалась Миррина на языке эллинов².

Стоило им остаться без Старика, как Миррина начинала говорить по-гречески. При Старике она говорила по-скифски и с малышкой Одатис – по-скифски, с Арзаком – на родном языке. Так повелось с самого начала.

Старика Миррина не боялась, не верила, что он превращается в волка. Миррина вообще не была похожа на других рабынь. Тихие, покорные, они жались к кибиткам, словно хотели стать тенью колёс. Миррина держалась горделивей жены самого богатого человека в кочевье, не снижала голос, не втягивала голову в плечи и, прикрывая шрам на щеке длинной спущенной прядью, остальные волосы забирала наверх, как носили в её стороне. От высокой причёски стан казался ещё прямее, поступь ещё уверенней.

«Я не рабыня, – повторяла Миррина при каждом удобном случае. – Я эллинка, попавшая к диким варварам в плен».

Арзаку было четыре года, когда Старик привёл Миррину в кибитку и положил ей на руки слабо пищавшую Одатис. Как они сами с Одатис очутились у Старика, Арзак не помнил. Он очень боялся, что сестрёнка умрёт. Она была так мала, что ещё не умела есть. Но Миррина опустила в горшок с молоком клок чисто вымытой козьей шерсти, Одатис схватила его губами и принялась сосать.

С той поры зимнее солнце десять раз сменилось весенним. Для Арзака Миррина стала старшей сестрой. Одатис называла Миррину «мата» – мама, и Миррина любила её, словно родную дочь.

Сейчас малышки не было с ними, её увезли в царский стан. День или, может быть, два надо ждать её возвращения.

Луна катила по небу свой круглый щит. На щите кольцом свернулась пантера. Каждый скиф с детства привык различать круглую морду, мягкие лапы, клыкастую пасть.

Пока звёздная россыпь меняла узоры, Старик раскалил в горне металл. Стала видна огненно-красная полоса, зажата в плоских щипцах. Заходил молоток. Новый сноп искр рванулся к луне, окружив Старика светящимся голубым маревом.

– Смотри, Миррина, он словно дух.

– Запомни, имя бога – Гефест.

Больше они не сказали ни слова и только смотрели, как ходил вверх-вниз молоток. Удары делались чаще, марево искр тускнело, металл остывал. И в тот миг, когда луна покинула самую высокую из своих стоянок, над головой Старика взметнулся отливавший голубизной клинок.

– Сделал! – крикнули вместе Арзак и Миррина.

Ещё один нетупеющий акинак! Он будет бить и не сломается, будет резать и не затупится, чем больше врагов убьёт, тем злее и тоньше станет. Луна, и заветное слово, и лучший на свете мастер заточили его навечно!

Старик подержал клинок в ладонях над головой, и луна наполнила металл своей силой. Потом он вонзил клинок в землю, чтобы сила земли вошла в металл, потом привязал клинок к поясу. Хотя не ему носить замечательное оружие – приедут из царского стана и заберут акинак, – но пока акинак при нём, Старик привязал его справа, как положено воину, и двинулся в степь. Там он дожждётся рассвета и покажет клинок солнцу, чтобы закалили металл огненные лучи.

– Хочу быть, как он, – прошептал Арзак. – Хочу узнать все тайны металла, хочу сделать нетупеющий акинак, хочу стать мастером. – Арзак шептал до тех пор, пока Старик не скрылся из виду. Потом он залез под кибитку, где был раскатан войлочный толстый ковёр.

---

² Греки называли себя эллинами, свою страну – Элладой.

Светлый луч косо упал на войлок. Арзак чихнул и проснулся. Спал он недолго. Солнце едва успело сменить луну. Но ветер уже запел весёлую песню, и молодая трава зазвенела капельками росы.

– Привет тебе, утро!

Арзак перевернулся с войлока на траву и покатился, смеясь и ловя губами прозрачные вёрткие капли.

– Чтоб тебя! – притворно рассердилась Миррина.

Она сидела у горна. Мех фыркал в её руках, раздувая притихший огонь. Угли наливались багряно-красным цветом.

– Скоро Старик вернётся, и кое-кому хорошо бы начать работать, а не валяться подобно Лохмату, ошалевшему от весны.

– Готов! – Арзак вскочил на ноги.

Его не нужно было подгонять. Миррина это знала. Кузнечное дело Арзак любил, как скачку на быстром коне, как волю, как степь. К горну Старик приучил его с малых лет.

В груди вещей, принесённых соседями для починки, Арзак выбрал котёл с прохудившимся дном, взял пластинку из меди, примерил и пошёл стучать молотком. Медные клёпки одна за другой ложились на край, прижимая заплату к котлу. Работа простая, требующая ловкости, не мастерства, и лучше разделаться с ней поскорее, тогда останется время для отливки пантеры. Одатис может вернуться из царского стана хоть завтра. Арзаку очень хотелось сделать пантеру к приезду сестры.

Последняя клёпка встала на место. Арзак вбил её в медь и поднял котёл днищем к солнцу. Ни один самый тоненький луч не светил из-под края заплаты, значит, удержится и вода.

– Сделал, – сказал сам себе Арзак. Этим словом Старик отмечал удавшуюся работу.

– Не сделал, – раздалось за спиной.

Арзак вскочил, не выпуская котла из рук.

– Не сделал. – Старик ткнул пальцем в стенку у горловины и направился к горну.

Сейчас будет вынут горшок с вмазанной крышкой и через малое время разбит. Так всегда происходит наутро после ночи полной луны. Но Арзак не хотел смотреть в сторону горна. Ему было стыдно. Какой он воин, если, думая о пантере, он перестал слышать степь и не расслышал шагов Старика? Какой он кузнец, если не разглядел следы отвалившихся ручек и Старик ему указал на вмятину. Нет, никогда ему не узнать заветные тайны металла.

– Арзак, смотри! – крикнула Миррина.

Арзак не обернулся. Он взял толстый прут и пошёл к своей наковальне. Рабочее место у него было собственное.

– Всё равно услышишь, – рассмеялась Миррина, – а слышать и знать, что означает звук, почти то же, что видеть.

Миррина была права.

Вот раздался тяжёлый глухой удар, и Арзак словно увидел, как Старик опустил молоток на крышку; треск – развалился горшок из непрочной глины; звон с перестуком – освобождённые наконечники рассыпались по каменной наковальне. Со вчерашнего дня они томились в горшке вместе с обрезками козьей шкуры и костями. Жар закалил их, кости придали крепость. Стоит насадить такой наконечник на древко и пустить в разящий полёт, он пробьёт любую твёрдую цель, даже плиту из меди, если встретит на пути.

Тайну негнущихся наконечников, пробивавших толстую медь после закалки в горшке, – эту тайну Арзак давно знал. Неужели ему никогда не откроется тайна нетупеющих акинаков?

До высокого солнца Старик и Арзак работали. Старик сдирал с наконечников заусеницы и наплывы. Арзак прилаживал к горловине котла затейливо скрученные ручки.

– Хоть в царский шатёр, – сказала Миррина. Она принесла молоко и кашу и с горшками в обеих руках остановилась возле Арзака, рассматривавшего свою работу. Кручёные ручки вились на котле, словно две змейки. Старик покосился и хмуро отвёл глаза.

– Нет, Миррина, не сделал, – грустно сказал Арзак и, переложив на слова значение брошенного Стариком взгляда, добавил: – Может быть, ручки и хорошие, только украсить нарядными ручками старый оббитый котёл – всё равно что поставить на куртку из потёртой овчины красную шерстяную заплату.

– Понять ошибку – значит встать на путь мастерства, – сказала Миррина. Она всегда ободряла Арзака. От Старика редко слово услышишь. Поэтому Арзак очень обрадовался, когда, кончив есть и отерев руки и бороду чистой тряпицей, Старик произнёс:

– В горне медь, добавь для прочности олово.

Арзак умел понимать молчание Старика. Ему ли не понять сказанное? Старик разрешил приступить к отливке пантеры!

В два прыжка Арзак очутился у горна, но вдруг обернулся, замер, увидел, что Старик тоже прислушивается. Сомнений не оставалось.

– Савлий едет! – закричал Арзак и, забыв о пантере, помчался в стойбище.

Глава III

Девочка в белой кибитке

– Едет! Едет! Царь! Савлий!

Старые, молодые, женщины с младенцами на руках, ребятишки – все высыпали встречать повозку. Савлия ждали. Едва ветер разнёс по степи весть о его приближении, кибитки были составлены в круг и в котлах на высоких ножках закипела густая баранья похлёбка, приправленная острыми травами и чесноком. Фигурки горных козлов у горловин оберегали похлёбку от сглаза.

– Оу! Оу! Царь! Царь!

Повозка вползла в кочевье и втащила, словно огромного змея на привязи, вереницу орущих людей.

– Савлий! Царь! Оу-о!

Умер царь – вождь вождей, предводитель всех предводителей. В знак горя скифы слёз не лили, в знак горя они проливали кровь. Арзак наносил себе раны вместе со всеми.

Вдруг на грудь к нему прыгнул белый с рыжими пятнами лохматый пёс. «Лохмат!» – Арзак подхватил скулившую собаку и завертел головой, выглядывая Одатис. Одатис и Лохмат были два неразлучника, где Одатис, там и её кути. Лохмат любого коня догонит, если на нём поскочет малышка. Недаром он в царский стан убежал, когда приезжала Гунда с дружинниками.

– Где Одатис? – спросил Арзак у Лохмата.

Лохмат вырвался и бросился к белой кибитке с откинутым войлочным пологом. В открытом проёме сидела женщина в прекрасном уборе из золота. Это была Гунда, одна из жён Савлия. Арзак тотчас её узнал. Бедная, значит, она...

Он не успел довести свою мысль до конца. В глазах потемнело. Столкнулись и рассыпались искрами золотые круги.

Из-за туго обтянутого, в блёстках, плеча царской жены на него смотрела плачущая Одатис.

– Одатис!

– Брат!

Не повернув головы, Гунда двинула локтем, и Одатис исчезла, должно быть, упала.

– Брат, – донеслось из кибитки.

Арзак очутился рядом. Его руки сами собой схватили за повод ближнюю лошадь, и в тот же момент сильный удар кулаком отбросил его на землю.

– Эй, мальчонка, чего к лошадям суёшься, жизнь, что ли, недорога? – крикнул дружинник.

Арзак поднялся, потирая ушибленное о камень бедро. Он готов был кинуться в бой с двумя и даже тремя врагами. Но на кого бросаться сейчас, когда врагом оказался обычай? На стародавний обычай с кинжалом не бросишься.

Не ответив дружиннику, стараясь не слышать плача в кибитке, Арзак повернулся и побежал. Ногу рвануло болью, словно бедро пропорол наконечник стрелы с шипом. Но быстрее, чем на охоте, быстрее, чем за конём, с арканом в руках, Арзак бежал к Старика.

– Одатис увозят! – кричал он издали.

Старик не покинул ради приезда царя своей наковальни; он работал и расслышать Арзака не мог.

– Одатис в кибитке царской жены! – крикнул Арзак, подбегая. – Скажи, что делать? Она не служанка, её нельзя увозить!

Старик перестал стучать и медленно поднял голову. Он долго смотрел в сторону стойбища, как будто мог разглядеть кибитку с Одатис, потом перевёл глаза на Арзака, и Арзаку сделалось жутко, как на краю пропасти. В глазах Старика он увидел бездонную пустоту.

– Гнур, – сказала Миррина. Она всегда называла Старика по имени. Она была рядом и всё поняла. Десять лет недаром прошло среди скифов. Миррина знала, что вместе с умершим царём в могилу уходят жена, и служанка, и конюхи с лошадьми. – Гнур, – повторила Миррина громко, словно обращалась к кому-то, кто находился далеко. – Люди тебя боятся, считают злым. Может быть, только мне открылись твои великодушные и доброта. Ты подобрал двух детей, умирающих в канаве. Ты бросил толпе связку медных браслетов и вынес меня из лужи крови, где я валялась изувеченная, и каждый мог меня бить и пинать ногами. Тогда ты восстал против обычая, осуждавшего на смерть бежавшую пленницу. Восстань и теперь.

Гнур, ты мастер, твоё сердце способно откликаться не только на звон металла, но и на стон. Слышишь, как плачет Одатис – девочка, посланная тебе богами? Иди и спаси её. Если ты не пойдёшь, твоё сердце станет как камень. Орудия смерти ты сможешь ковать, но коня, и оленя, и гибкого барса – всё, в чём солнце, и жизнь, и степь, – ты не сделаешь никогда.

Голос Миррины дрожал и звенел, как тонкая медь на ветру.

Старик поднялся.

– Оу! Оу! Царь! Царь!

В кочевье Савлий пробыл недолго. Предводитель едва успел поднести к его навощённым губам золотой черпачок с дымящейся вкусной похлёбкой, и повозка тронулась в путь. Хвост ползущего следом змея ещё удлинился: все мужчины кочевья присоединились к нему, большинство верхом, некоторые в кибитках.

– Савлий! Савлий! Царь! Оу-о!

Чёрные, как ночь без луны, тонконогие кони храпели, пугаясь воплей и звона. Конюхи не выпускали уздечек из рук. Дрожавших коней приходилось почти тащить.

– Дозволь говорить, Иданфирс, сын Савлия, внук и правнук царей, – медленно произнёс Старик, поравнявшись с коренастым широкоплечим всадником, чей серый, мышинового цвета конь вышагивал справа от вороной четвёрки.

Сын Савлия Иданфирс, наследник бескрайних владений и несчитанных табунов, кольнул акинаком левую руку и, стряхнув каплю крови, скосил глаза. Он увидел гордое удлинённое лицо с насупленными бровями. От крыльев тонкого с горбинкой носа шли резко очерченные глубокие складки и скрывались в негустой бороде, длинными белыми прядями спускавшейся на грудь.

– Говори, седобородый, если дело твоё столь важное, что ты врываешься с ним в мой плач по отцу.

– Там, в кибитке, с царской женой едет девчонка. Верни её мне. Я заплачу выкуп. – Слова падали, словно тяжёлые камни в колодезь. Старику нелегко было просить.

Иданфирс усмехнулся.

– Ты предлагаешь золото, седобородый? Боюсь, оно затеряется в моём дорожном мешке.

– Я расскажу, как делать нетупеющий акинак.

Так вот кто шёл рядом с серым конём – знаменитый Старик! Первый на степи мастер. Из-за кинжалов его работы дрались царские сыновья, из-за колец и браслетов ссорились царские жёны. Этот упрямый кузнец не соглашался раскрыть свою тайну ни за богатства, ни под угрозой смерти. Теперь он сам предлагал её в обмен на девчонку, цена которой три медных колечка.

Иданфирс слегка откинулся назад и поймал цепким взглядом высокую фигуру с поднятыми плечами и втянутой головой. Поодаль он приметил рабыню-гречанку и тонкого белобрысого мальчонку, должно быть внука гордого кузнеца.

– Храни свою тайну, Старик, – Иданфирс принял прежнее положение. – Над мёртвыми у меня нет власти. Служанка супруги Савлия пойдёт вместе со всеми, как должно.

– Она не служанка! – закричала рабыня.

Иданфирс услышал несколько быстрых слов, сказанных ею мальчонке, тот что-то ответил, и все трое, вместе со Стариком, остались позади.

– Она не служанка! – Миррина бросилась к Гунде, сидевшей в проёме кибитки. – Царица, смилуйся, вспомни, Одатис тебе не прислуживала. Ты забрала её в царский стан, чтобы послушать песни, которые она пела на незнакомом тебе языке. Этим песням я её научила, да не в добрый, знать, час. Я кормила её молоком козы и пела, чтобы она не плакала. Слышишь, она зовёт меня.

– Мата, мата! – несло из кибитки.

Лохмат заливался лаем у самых колёс.

– Смилуйся, царица, отпусти дитя. Она знает всего три песни. Я же спою тебе тридцать раз по три. Возьми меня вместо неё. Возьми меня, ты увидишь, я хорошая песельница.

Голос, звеневший, как тонкая медь на ветру, плач девчонки в кибитке, лай пса у колёс – всё это развеселило Гунду. В чёрных глазах метнулось недоброе пламя, по губам змеёй пробежала улыбка, губы раздвинулись и крепкий плевок полетел прямо в Миррину.

– Вот тебе мой ответ! – расхохоталась Гунда. На полных щеках закачались и зазвенели цепочки подвесок.

Медлить Арзак не стал. Время теряешь – бой проигрываешь. Вернувшись, Миррина застала его с горитом – футляром для лука и стрел и дорожной сумкой в руках.

– Далеко ли собрался? – спросила она потухшим голосом. Выплавили из голоса звонкую медь.

– Пойду за Савлием. В тёмную ночь проберусь к кибитке.

– Тебя заколют, прежде чем ты сделаешь первый шаг.
– Тогда умру, только без боя не сдамся.
– Слушай, – Миррина положила руку ему на плечо. – Я рассказала тебе немало своих историй, пришло время поведать ещё одну. Десять лет прошло с того дня, когда врачеватель Ликамб решил перебраться в Ольвию и построить лечебницу у целебных ключей. Он уехал, а я отправилась позже вместе с домашним скарбом и слугами. Корабль, на котором мы плыли, назывался «Надежда». О, лучше было бы мне умереть, чем подняться на палубу злополучного корабля! – Миррина поправила чёрную прядь, прикрывавшую шрам через щёку.

Арзак сделал попытку высвободить плечо. Он всё время смотрел туда, где паслись Белоножка и Белоног, похожие друг на друга, как отражение в чистой воде. Белоножка была верховой лошастью Старика. Её сын, Белоног, принадлежал Арзаку.

– Не торопись, слушай. – Рука Миррины сделалась тяжелей. – Была буря, корабль разбился, но крушение случилось у самого берега, и всем удалось спастись. Мы радовались, благодарили богов. И тут нас настигло бедствие страшнее морской пучины. На нас напали царские скифы, старых убили, молодых увели в плен. Я была молода, ночью я перегрызла проклятые путы и убежала. Меня догнали, избили. Второй раз я убежала через год, когда, пройдя по летним и зимним пастбищам, кочевье снова вернулось на юг. Этот побег чуть не стоил мне жизни.

– Если Одатис погибнет, Старик отпустит тебя на волю, – сказал нетерпеливо Арзак.

– На родину я не вернусь, – Миррина снова поправила чёрную прядь. – Слушай внимательно. Я дважды бежала, и оба раза ранней весной. Отсюда, с весенних пастбищ ближе всего. За пять дней ты доберёшься до Ольвии, куда не добралась я. Ты разыщешь Ликамба и скажешь: «Мудрый и добрый врачеватель, я приехал к тебе за снотворным настоем цвета белужьей икры. Я знаю, что, выпив этот настой, человек цепенеет и делается словно мёртвый. Другого способа спасти сестру у меня нет».

Арзак с удивлением посмотрел на Миррину и вдруг понял. Если Одатис станет как мёртвая, её выбросят из кибитки. Умершая раньше срока служанка никому не нужна.

– Врачеватель знает такое зелье? Он даст?

– Ты всё объяснишь ему, тогда он даст. Только помни, ты не должен упоминать моё имя. Если тебя будут спрашивать, откуда ты узнал о Ликамбе, отвечай: «Имя мудрого известно и в диких степях», если спросят, откуда узнал о настое, скажи: «Торговцы из Ольвии рассказали о чудодейственном средстве».

– Пять дней туда, пять обратно, царь Савлий движется медленно, заезжает во все кочевья. Я нагоню его раньше, чем исчезнет нынешняя луна.

– Поклянись, что не упомянешь моего имени.

– Клянусь стрелой и кинжалом.

Арзак побежал к стреноженному коню, но тут ему путь преградил Старик.

– Железо не выручило. В золоте, верно, больше силы. Возьми. – Старик протянул Арзаку три золотых браслета.

Глава IV Неоглядный простор

Бег коня по весенней степи – как полёт быстрокрылой птицы в синем просторе. Безудержная воля! Бескрайняя даль!

Зелёный ковёр молодой травы стелился под ноги быстрого Белонога. Струйки талой воды вспархивали из-под копыт. Нагретая за день земля источала сладкий и пряный запах. Белоног вскидывал голову, фыркал. Заливистое «и о-о-о!» заглушало на время свист, кряканье, стрекот – всё, чем наполнилась степь, обжитая сурками, зайцами, чибисами, от низких ложбин до высокого синего неба с неподвижно висевшими жаворонками.

Арзак ехал, как принято в дальних походах, в седле. Стремья скифы не знали. Узконосые сапоги, прикрытые кожаными штанами, сжимали бока Белонога. Конь был чалый, густо-рыжего цвета, со светлыми гривой и хвостом и белыми вниз от колен ногами. Своей выносливостью Белоног не уступал лучшему скакуну.

Ожившая степь, от вида которой в другое время ширилась бы грудь и сами собой вырывались бы крики, сейчас нисколько не радовала. Неуклюже махая крыльями, пролетели серые утки. Арзак не проводил их взглядом. Трубящий клин журавлей не заставил его поднять головы. Сознанием владела только одна мысль. Она неотвязно бежала рядом, словно жеребёнок около матери.

«Успеть, успеть!»

Он выехал поздно, и день кончался. Солнечный диск всё решительней плыл к закату. Близились ночь – людям отдых, ему помеха в дальнем пути.

Местом стоянки он выбрал берег степной речушки. Её спокойное бормотание за оградой кустов Арзак давно различил в разноголосице степных звуков. Он спешился, напоил и стреножил коня, пустил на траву. Для себя отыскал сухую проплешину, густо засыпанную серой галькой. Костёр разводить не стал. Весенняя ночь не застудит, а лепёшки, сало да сыр-иппака – неперменный запас в дорожной сумке каждого степняка – эта пища в огне не нуждалась. Поев, он остался сидеть на месте.

Где-то неподалёку плакала выпь. Река за спиной тёрлась о прибрежные заросли прошлогоднего камыша, торчавшего, как проржавевшие копыя, и бормотала тихонько: «Успеешь – не успеешь, успеешь – не успеешь».

«Успею, должен успеть, иначе нельзя. А если знахарь уехал в другое место, если откажется дать зелье? Нет, не должно такого случиться, упрошу или заставлю силой». Думая всё об одном, Арзак сгребал и складывал в кучу гальку. И когда луна, приметно меньше вчерашней, но такая же яркая, вышла на небо, один из её голубых лучей высветил маленький печальный курган. Такой могли бы сложить сурки или жаворонки, если б, подобно людям, хоронили своих царей.

«Успею, должен успеть, не успеть нельзя». Арзак сдвинул ладонью непрочную насыпь и в опавшей с шорохом груде выбрал сорок одинаково ровных и круглых камней.

«До нашего стойбища Савлий добирался день, и ещё день, и полдня, – две гальки Арзак отбросил в кусты. – Третий день сегодняшний, он миновал. – В кустах снова раздался чуть слышный стук. – Осталось тридцать семь дней – луна и ещё почти пол-луны. Успею».

Расчёт на камнях его успокоил. Он лёг, седло положил под голову и перестал слышать печальные выкрики выпи. Мягкий плеск пробивавшейся в камышах воды стих.

Проснулся он до света. С проблеском первых лучей был на коне. Белоног, отдохнувший за ночь, пустился вскачь, и в дорожной сумке загрохотало, словно там оказалась тыквенная гремушка. Это перекачивались и стучали тридцать семь маленьких ровных камушков. Арзак взял их с собой.

Вперёд, Белоног, на закат – к тому краю земли, куда прячется на ночь солнце!

Войско Дария шло через степь шумно, с криками, лязгом оружия³. Разве нужно таиться тем, чей удел одни лишь победы, достославные на все времена?

От Нильских порогов до Яксарта⁴ проделала путь персидская конница. От Инда до Эгейского моря проложила пехота дороги войны. Под ударами персов погибли непобедимые армии, пали крепости, считавшиеся неприступными. Битва с кочевниками, жителями степей, представлялась делом самым пустячным.

Вот так противники! Вместо шлемов на их головах торчат остроконечные шапки, бронзовые пластинки, нашитые на пояса, составляют доспех. Не войну – забаву предложил своим воинам царь царей, повелитель стран.

Войско двигалось, словно на праздник. Сам Дарий был весел. Он-то знал, что битвы с воинственными кочевниками предстоят кровавые, но если судить по зачину, поход должен быть славным.

Царь царей рассчитал каждый шаг. Пока возводили мост над Истром⁵, выбрав для этого «шею» реки, где Истр разделяется на рукава, он с войском переправился через Боспор и пошёл сухими путями. Двигаясь по землям Фракии и Македонии, он превратил живущие там народы в данников Персии.

Слава шла рядом. У реки с целебными водами царь царей повелел воздвигнуть каменный столп и вырезать надпись, гласившую: «Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей – Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего Азиатского материка».

Встав на крутом берегу другой, не столь известной реки, царь царей приказал каждому воину бросить на берег по камню. Выросли горы. Эти горы также послужат славе.

Через мутный и устрашающе быстрый Истр переправились без труда. Крепкий мост связал оба берега «шеи». Дарий хотел уничтожить мост, но его остановил известный своей осторожностью Кой, военачальник из Митилены.

– Царь царей, повелитель стран, дозволь дать тебе совет.

– Говори, военачальник, Дарий слушает.

– Разрушить мост недолго, быстрее, чем возвести новый. Ты задумал вернуться другой дорогой, но война полна неожиданностей. Что, если тебе придётся воспользоваться дорогой уже проторённой? Тогда понадобится и мост.

Дарий выслушал совет благосклонно и ответил Кою так:

– Друг мой, когда я с победой вернусь на родину, потрудись явиться ко мне, чтобы я мог вознаградить тебя за добрый совет.

---

³ Дарий предпринял поход на Скифию в конце VI века до н. э.

⁴ Яксарт – древнее название Сырдарьи.

⁵ Истр – древнее название Дуная.

Дарий поставил охрану сторожить мост и, завязав на ремне шестьдесят узлов, передал ремень начальнику охраны.

– Возьми этот ремень. Как только увидишь, что я выступил против скифов, начинай с этого времени развязывать каждый день по одному узлу. Если я за это время не возвращусь, а дни, указанные узлами, истекут, то плывите на родину. Пока же стерегите мост и всячески старайтесь его сохранить и уберечь. Этим вы окажете мне великую услугу.

Так он сказал и поспешил с войском дальше.

За Фракией начинались бескрайние скифские степи. Семьсот тысяч воинов конных и пеших были готовы ковром расстелить их под ноги царя царей, дикий степной народ бросить к копытам его коня. Очень скоро всё так и будет.

Дарий ехал во главе своей гвардии. Её составляли десять тысяч «бессмертных». Юноши и молодые мужи из родовитых персидских семей, надменные, беспредельно отважные, самозабвенно преданные – в битвах они не знали равных противников. Первая тысяча принадлежала к личной охране Дария и, гордясь своей близостью к государю, следовала за ним, как огромная тень.

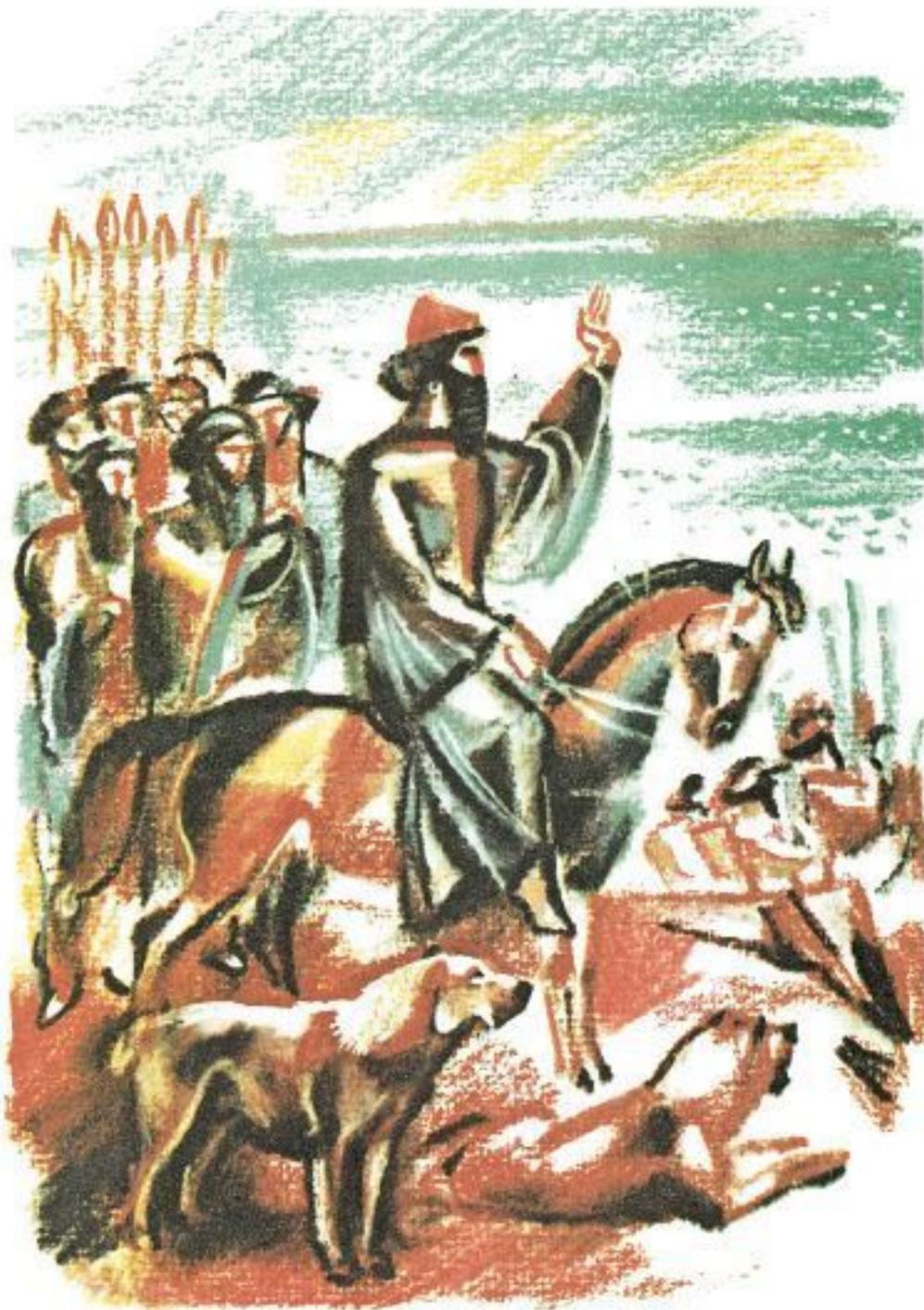
По правую руку царя царей, грузно уйдя в седло, ехал Отан – вазир⁶ и советник. По левую руку высилась мощная фигура Копьеносца Гобрива – начальника всех копейщиков. Обоих царь стран называл своими друзьями и величал титулом «благодетель». Отан и Гобрив были в числе заговорщиков, расчистивших двадцатисемилетнему Дарию дорогу к трону.

Десять лет, прошедшие с той яростной ночи битвы за трон, продёрнули белые нити в их волосах, проложили морщины на лбу и около губ. На дорогах молодость мужает быстро, быстрее, чем у домашнего очага. А часто ли Дарий, Отан и Гобрив наезжали в Сузы – город всех городов? Может быть, и года не провели они под мирными кровлями. Походы, завоевания стран, подавление непокорных народов, то и дело восстававших против царя царей...

– Отан, – усмехнулся Дарий, предвкушая успех собственной шутки, – мне не раз приходилось слышать, что скифские холода белят бороду и она начинает звенеть от висящих сосулек. Тебя не страшит подобная участь?

---

⁶ Вазир – министр, визирь в странах Востока.

Гобрий расхохотался. Предположение было тем более смешным, что на обрюзгшем лице вазира борода росла редкими пегими клочьями.

– Ничего, государь, царь царей и повелитель Азии, – произнёс без улыбки Отан, – я приму во внимание предупреждение, сделанное тобой по доброте душевной, с первого же скифа сорву остроконечный колпак и нахлобучу себе на голову до самых плеч.

– Поистине, мой вазир, нет на свете тебя умнее.

– Напрасно хвалишь вазира, государь, выдумка его слепая.

– Как так слепая?

– А так. Шапка, нахлобученная до плеч, бороду спасёт – это верно, да глаза-то закроет. Вот и выходит, что выдумка слепая. Зря наш вазир загордился, без толку вознёсся.

Дарий и Гобрий расхохотались.

– Для глаз я прорежу отверстия, – невозмутимо сказал Отан, – и боюсь, что великий царь и его Копьеносец, с которым он беспричинно дурачится и веселится, словно мальчишка, удравший из школы, вынуждены будут последовать моему примеру. Купцы, побывавшие в этих степях, клятвенно заверяли, что ходили по воде, как по сухому песку, нимало не замочив ног. Они говорили, что холод остановил реку и покрыл её толстой прозрачной корой. Купцы утверждали также, что здешние люди выносливы ровно настолько, насколько немилостива к ним природа. Свою жизнь они приспособили и к зимней стуже, и к летней жаре.

– Важна не жизнь, важно, что именно делает в ней человек, – произнёс Дарий строго. – Вот египтяне, они дают нам пшеницу и золото. Сирийцы одевают нас в тонкое полотно. Корабельные мачты делаются из кедров, выращенных в Ливане. Без кипрской меди была бы нехватка кинжалов и копий. Без хорезмийской бирюзы наши женщины лишились бы лучших своих украшений.

Народы стран трудятся ради пользы и блеска Персидской державы. Можно ли терпеть, чтобы скифы, живущие в домах на колёсах и питающиеся, подобно зверям, мясом растерзанного скота, одни не признавали над собой нашей власти?

– Царь царей и великий царь положит конец скифскому самоуправству, – промолвил Отан и на этот раз усмехнулся. Что означал смешок вазира?

– На скифов в остроконечных шапках! – закричал вдруг Видарна, начальник десяти тысяч «бессмертных». Он ехал за Дарием и слышал весь разговор.

– На скифов! – Десять тысяч копий взметнулись кверху, десять тысяч мечей ударили в щиты.

От звона и грохота вздрогнуло синее небо. Быстрые лучики солнца побежали по шлемам, кольчугам и по ножам.

– На скифов! – Крик нёсся до самого горизонта и, подхваченный ветром, умчался за край земли.

Дарий остановил коня. Глаза из-под резких прямых бровей с удовольствием оглядели равнину.

Как море во время прибоя, как Нил во время разлива, разливались его войска по необозримой степи. Шла лучшая в мире армия, мощная, дисциплинированная, закалённая. Её составляли не только персы. Спаянные племенными союзами полки покорённых стран входили в её ядро.

Мимо царя царей и повелителя Азии, держа строй, проходили мидийцы. Их оружием были мечи и кинжалы. С тяжёлыми копьями на плечах шли солдаты эламских полков. Двигались лёгкие одноосные колесницы. Впряжённые в них нисийские кони были способны опережать ветер. Шли персы с колчанами за спиной, с изогнутыми луками, висевшими слева.

Ехала конница.

Скифы появились неожиданно. Скорее всего, они вынырнули из длинного оврага-балки. Их было трое. Увидев надвигавшуюся лавину, они повернули своих низкорослых коней, покрытых кусками войлока вместо сёдел. Но было поздно.

– Первые! – радостно крикнул Дарий и рванулся вперёд.

Отан и Гобрий бросились следом. Ветер ударил в медные шлемы, зазвенел в чешуйках кольчуг. Тонко запели натянутые на скаку луки. Три стрелы, как быстрые молнии, рассекли густой от душистых трав воздух.

Первый скиф рухнул сразу. Второй попытался вцепиться в гриву коня, но пальцы разжались, и он покатился в траву впереди своего товарища. Третьему всаднику удалось ускакать, унося в плече вонзившуюся стрелу.

– Ушёл мой колпак, – сокрушённо сказал Отан. Это его стрела не поразила цель. Он стрелял третьим.

– Брось печалиться, мудрый вазир, – расхохотался Дарий. – Скоро из островерхих шапок наших врагов мы сложим целый курган, и не один, если позволят боги.

Глава V

Арзак заводит знакомство

У ночи золотых камушков-звёзд без счёта и без числа, у Арзака в сумке лежала малая горстка. С каждым днём она уменьшалась. Стоило камушкам-звёздам раскатиться по небу, приходилось выбрасывать камушек-день. «Днями» Арзак стал называть свои серые кругляши. Зато чем меньше оставалось камушков-дней, тем дальше он с Белоногим продвигался к закату.

Солнце на небе человек не догонит, хоть всю жизнь скачи следом. Цель он достигнуть может. Пусть только не сходит с выбранного пути, будет упорен, упрям, и, когда из дорожной сумки исчезнет последний кусок лепёшки, пусть отроет в степи сладкие корни и напьётся горстью из родника.

Путь лежал по безлюдной степи: кочевья отправились следом за Савлием, чужие племена на скифских землях появляться не смели. Только два раза Арзак уловил топот копыт, и оба раза они с Белоногим ныряли в ближайшую балку. Рисковать было нельзя.

К четвёртому дню степь сделалась обжитой. Стали встречаться стада. Пастухи в просторных плащах, опираясь руками на посох, провожали всадника долгим взглядом.

– Хайре – радуйся! – кричали они Арзаку. – Да пошлют тебе боги удачу, да расстелется гладко перед тобой дорога.

Вид пастухов казался мирным. Однако широкополые шляпы бросали на загорелые лица чёрные тени, скрывавшие выражение глаз, и Арзак предпочитал в ответ склонять голову молча. Слова пастухов были ему понятны, но нрава племени он не знал. Улыбка могла прикрывать коварство, привет – обернуться обманом. Проезжая селением, он видел множество ям, перекрытых толстыми плитами. Должно быть, в них хранилось зерно и другие припасы. Но разве трудно бросить в такую яму связанного пленника?

Арзак держался настороженно, всё подмечал.

Дома то и дело теперь обступали дорогу. Были они не больше шестиколёсных кибиток, крышей служила побуревшая на солнце солома. А на склонах оврагов, среди акаций, Арзак увидел лежавшие на боку ровные глиняные бочонки. Над ними роились подвижные чёрные точки. Бочонки предназначались для пчёл.

Постепенно дорога стала заполняться. По колеям, выбитым в каменистой почве, затахтели колёса. Застучали деревянные подошвы сандалий. Заклубилась поднятая копытами серая пыль.

Город открылся на шестой день пути. Залитые солнечными лучами, поднялись среди равнин белые каменные стены.

Это место мореходы-греки приметили сто лет назад, когда остроносые корабли только начали бороздить тёмные воды моря. Море было свирепым. Волны рычали, срывали обшивку, ветер рвал паруса. Греки сложили легенды о блуждающих скалах – Семплигадах, разбиравших корабль, как хрупкий орех, и назвали море «Аксинским», что значило «Негостеприимное».

Но приветливы были берега. Там купцы могли продать свой товар в обмен на пшеницу, в которой нуждалась Эллада. Тем, кто в поисках лучшей доли собрался покинуть старые города,

плодородные земли предлагали новую родину. Еловые вёсла снова взрезали тёмные воды, четырёхугольный парус раздувался на мачте, кормчий поворачивал тяжёлый руль.

Мореходы узнали нрав моря, приспособились плавать, не выпуская землю из вида. Семплигады перестали губить корабли, и подобрешее море получило новое имя. Его стали называть «Понт Евксинский»⁷ – «Море Гостеприимное», или просто Понт.

Ольвия была из первых городов, заложенных на его берегах.

Издали, в ограде из белых стен, город казался вытянутым треугольником: две стороны отсекали глубокие балки, граница третьей была образована рекой Гипанис⁸.

«Удобное место выбрали, трудно неприятелю подступиться, – оценил Арзак расположение города. – Стены толстые, запряжённая парой волов кибитка по верху проедет». Внимание было обострено. Он ничего не упускал из виду.

В воротах пришлось задержаться. Толкаясь и бляя, в город входило стадо овец. Наконец путь расчистился и вместе с толпой, собравшейся у ворот, Арзак въехал в Ольвию.

Люди, повозки, стадо – все устремились в одном направлении.

Арзак выбрал противоположное. Он не привык продвигаться зажатый, как пленник, со всех сторон.

– Куда глаза глядят, – сказал он Белоногу, и Белоног, не знавший до этих пор ничего, кроме степи, осторожно перебирая ногами, двинулся по узкой улице. Слева и справа потянулись унылые однообразные ограды, сложенные понизу из круглой гальки, выше – из необожжённого кирпича. Приземистые дома слепо выглядывали из-под соломенных кровель глухими без окон стенами.

«Так вот что такое город, – думал Арзак, косясь на прохожих, шедших по каменной вымостке, тянувшейся вдоль оград. – Город – это западня стен. В городе люди не могут передвигаться по собственной воле. Они подчиняются стенам».

---

⁷ Понт Евксинский – древнее название Чёрного моря.

⁸ Гипанис – древнее название Буга.

Улицу, по которой ехал Арзак, пересекла другая – прямой и шире. Вдоль белых стен, как дым по земле в ветреный день, плыли, стелясь, протяжные тонкие звуки. Их медлительная напевность напоминала степь, и Арзак потянул повод, поворачивая Белонога навстречу протяжной музыке.

«Спрошу у людей, где живёт знахарь, может быть, он живёт как раз в одном из этих красивых домов?»

Дома на широкой улице были свежебелёные, с фундаментом из тщательно пригнанных стёсанных плит.

Прошли две женщины в ярких платьях, прошёл мужчина в накинутом на руку белом плаще, но Арзак не решился задать свой вопрос. Прошли ещё три человека, проехал всадник.

– Смотрите-ка, сам в штанах и коня в штаны обрядил!

Тонкий, как ветка, мальчишка, раскинув руки, загородил дорогу. Встал посреди улицы – не объехать.

– Отойди и вернись к своей забаве, – сказал мальчишке Арзак. – Твоя музыка звучит лучше, чем твои слова.

До того как выскочить на середину, мальчишка сидел у стены и перебирал отверстия в тростниковой дудке, зажатой между колен. Теперь его замолчавшая дудка валялась брошенной у стены, на камнях.

– Ха-ха-ха! – расхохотался мальчишка. – Ничего не видел смешнее. Оштанённый разговаривает, как человек, а не лопочет, как варвар: ва-ва-ва! Может быть, и лошадка знает эллинский язык?

Последнее дело – раздуть пожар ссоры, и Арзак ответил спокойно, не злясь, не повышая голос.

– Твоя насмешка пуста, – сказал он. – У всех племён свои обычаи, свой язык, своя одежда. Пропусти.

– Как бы не так.

– Пропусти. Земля широка, и лучше нам разделиться, один пусть пойдёт на закат, другой – на восток, без злобы.

– Клянусь Гефестом, мне скучно, и ты, оштанённый, – замечательное развлечение.

Мальчишка сделал попытку схватить Белонога за повод. Этого стерпеть было нельзя. Арзак выпрыгнул из седла, на лету пятками сбил мальчишку, и тот полетел к своей брошенной дудке. Не приставал бы – и лететь не пришлось. Сам виноват.

– Видишь, – сказал вдогонку Арзак, – дороги у нас разные.

Покинуть улицу он не успел. Откуда-то взялся другой мальчишка, широкоплечий и крепкий, и молча бросился с кулаками. Арзак отскочил, мальчишка – за ним. Они запрыгали друг перед другом. Мальчишка выставил вперёд левую руку, правую поднял на уровень плеч. Кисть правой руки была перевязана ремешками. «Если ударит, не устою, вон он какой, словно одним железом питался», – успел подумать Арзак. Он ушёл от удара. Костяшки пальцев едва задели скулу. Из-под левой руки противника сам нанёс несколько быстрых ударов, но не успел вернуться. Кулак, обмотанный ремнями, вдвинулся в подбородок. В глазах стало темно...

– Ксанф, остановись! Чужеземец, прости меня! – Мальчишка, затеявший свару, бросился между ними.

– Разве ты не летел, словно диск, пущенный дискоболом, или словно тебя лягнул жеребец? – не без насмешки бросил тонкому широкоплечий. Кулак, однако, разжал.

– Я сам виноват. Я дразнил его «оштанённым». Он только сбил меня с ног, а ты... Зачем тебе боги дали такую силу?

– Лучше скажи, зачем они дали тебе змеиный язык? Первый раз скифа увидел, что ли? Мало их приезжает в наш город?

– Много. Только этот с лошадкой в белых штанах мне очень понравился. Он такой сдержанный и задумчивый, к тому же говорит на языке эллинов, как ты и я.

Арзак плохо слушал их разговор. Он направился к Белоногу.

– Прости, чужеземец, – догнал его тот, с кем он дрался. – Кулак у меня тяжёлый, да ещё с тренировки иду. Полдня «грушу» – корикос молотил, даже ремни не снял, предохраняющие суставы пальцев. С Филлом мы с детства друзья, почти что братья, вот я и не сдержался, когда увидел, как ты его двинул.

– Филл – это я, – сказал тонкий с весёлой важностью и прижал руку к груди. – Потомка Геракла, с кулаком которого ты, чужеземец, только что свёл знакомство, величают Ксанфом. Посмотри, как он мускулист и ладен, словно статуя самому себе.

Филл широко повёл рукой в сторону Ксанфа. Против воли Арзак улыбнулся. Из рассказов Миррины он знал, что в честь сильных и мужественных воинов эллины устанавливают их подобию – фигуры из камня или из бронзы. Ксанф в самом деле был словно бронзовый. Кулак от него отскакивал, как от металла.

– А ты, чужеземец, откуда ты прибыл? Дело ль какое у нас, или без дела скитаешься всюду?

Эти слова Филл произнёс нараспев и тягуче, потом добавил обычным голосом:

– Так спросил бы тебя замечательный древний поэт Гомер, лучший из всех поэтов, живших во все времена и у всех народов.

– Я скиф, из племени царских скифов. Моё имя Арзак – Медведь. В Ольвию я приехал по важному делу. Мне нужно как можно скорей найти врача Ликамба. Укажите, где его дом, чтобы, встретившись с ним, я успел сегодня покинуть ваш город.

Филл присвистнул и вскинул правую руку.

– Ликамб живёт за пределами Ольвии, у загородного храма.

– Сколько дней пути?

– Утром выедешь, днём приедешь – рядом. Дело не в этом. Ликамб уехал лечить земледельцев, живущих в окрестностях, он вернётся лишь к ночи или, скорее всего, к завтрашнему утру.

- Поеду его искать.
- Разминёшься в дороге. Лучше отправиться к Ликамбу завтра, мы с Ксанфом можем тебя проводить.
- Филл дело говорит, Ликамб его дядя, – кивнул головой Ксанф. – Утром поедем вместе, втроём веселее.
- День потеряю, – Арзак сокрушённо махнул рукой. Из-под рукава куртки вниз на запястье соскользнул один из браслетов, державшихся возле локтя.
- Ух ты! Какая работа! – Филл подпрыгнул. – Покажи.
- Арзак снял браслет и протянул Филлу.
- Кто делал? Форма похожа на нашу, а изображение ничуть.
- Старик делал.
- Скиф?
- Кто же ещё? Мастер, по имени Гнур, из племени царских скифов, лучший из всех кузнецов, живших во все времена и у всех народов. В степи его называют Старик. Я учусь у него.

– О, Ксанф! – воскликнул Филл. – Мы зовём скифов варварами – это несправедливо. Такого чуда варварам не создать. Посмотри, как распластались олени. Они бегут навстречу друг другу так быстро, что бег превратился в полёт, рога изогнулись так дивно, что стали узором. Но почему мы стоим на улице и не проходим в дом?

Филл распахнул деревянную дверь в стене, возле которой они стояли. Арзак обернулся к Белоногу.

– Не беспокойся, Арзак, – сказал Филл. – Лошадку с белыми ножками я отведу в конюшню, прикажу насыпать отборного ячменя, сам налью чистой холодной водицы.

– Лошадь Филл не обидит. Идём, Арзак, – сказал Ксанф.

Арзак следом за Ксанфом вошёл во двор.

Здесь, как и всюду, власть была отдана стенам. С четырёх сторон они замыкали пространство чуть больше того, что выбрал Арзак для первой ночёвки в пути. Земля, как и там, была скрыта под галькой, только не серой, а жёлтой и розовой, выложенной разводами. Вдоль стен шли навесы, державшиеся на столбах-подпорках.

«Колонны», – вспомнил Арзак.

Миррина много раз рассказывала, как устроен дом и открытый дворик с колоннами, куда выходят внутренние помещения. Теперь он всё увидел сам. Колонны напоминали стебли, увенчанные чашечками раскрытых цветов. На цветах держался навес. В тени сидела красивая женщина, чем-то напоминавшая Миррину. В её поднятой выше плеча руке крутилось веретено.

– Хайре, – смущённо проговорил Арзак.

Женщина улыбнулась.

– Привет тебе, милый Ксанф, привет и тебе, чужеземец. Должно быть, вы гости Филла, но мой непоседа-сын куда-то запропастился. Только что его флейта смущала прохожих, ведь день сегодня не праздничный. А у него праздник: учитель уехал в Афины, и школу закрыли на целый месяц.

– Вот и позволяй это праздное время использовать на поездку к милому дяде, – важно сказал Филл, появляясь с другой стороны навеса. – Я хочу, чтобы он помог мне советом в

выборе жизненного пути. Мне скоро четырнадцать. Ксанф всего на год старше меня, и уже ученик скульптора. Ксанф и наш гость Арзак тоже поедут.

– Конечно, отправляйся, милый сын, я рада. – Оставив веретено, женщина хлопнула в ладони. – Свежий хлеб с конопляным семенем, масло, сыр, лепёшки на меду, виноградный сок, – сказала она вбежавшему слуге и, подхватив двумя пальцами нить, подняла руку повыше. «Совсем как Миррина», – подумал Арзак.

Глава VI

Город «счастливая»

Устал с дороги, Арзак? Хочешь спать? – быстро спросил Филл, как только слуга унёс опустевший столик.

– Скиф устаёт не раньше, чем валится под ним конь.

– Хорошо сказано. Ксанф, тебе такой ответ должен понравиться. Мне он, во всяком случае, по душе. И раз лошадка цела и крепко стоит на своих белых ножках перед яслями с зерном, то что нам мешает показать гостю агору?

– Агору посмотреть надо, – подтвердил Ксанф. – Недаром у нас говорят: «Агора – сердце города».

Мысли Арзака были в степи, кружили вокруг белой кибитки. Но разве достойно гостю перечить хозяевам?

– Я буду рад увидеть всё, что вы мне покажете.

«Поворот на закат, поворот на юг, снова на закат. – Арзак запоминал дорогу. Если понадобится, он быстро отыщет дом, где оставил коня. – Опять на закат, теперь прямо. Верно, птицам, глядящим сверху, Ольвия кажется сетью. Улицы тянутся ровными нитями, они не сворачивают, как тропа, а пересекают одна другую. Опять повернули на юг. Стены здесь ещё выше».

– Обрати внимание, Арзак, как широка наша Главная улица. Колесницы и всадники свободно едут навстречу друг другу, и ещё остаётся место для пешеходов. Ты заметил, что мы идём по гладким камням, не трудя своих ног неровностью почвы?

– Не горячись, Филл, – сказал Ксанф. – Наш гость привык к просторам степей. Улицы, наверное, кажутся ему ловушкой.

– Ах, Ксанф, вечно ты так. Что из того, что степь? Разве люди перечат природе? Они подражают ей, только при этом беспорядочным формам придают разумную правильность. Зодчий скалу превращает в храм, деревья в колонну. Художник рябь волн превращает в орнамент, сочетаниям красок он учится у цветов, плетению узора – у виноградных лоз.

– Следуя твоей мысли, улицы придётся сравнить с реками.

– Правильно, Ксанф, и агора, главная площадь, питает их, как полноводное озеро или Понт.

Смысл разговора показался Арзаку тёмным, он спросил:

– Чем закрыта земля на ваших улицах? Белоног шёл с опаской, было на самом деле похоже, что он собирается плыть.

– Видишь, Ксанф, наш гость всё замечает. Даже его лошадка отличила вымостку от земли. Как славно назвать лошадку по цвету. Белоног – белые ноги. Сегодня же сообщу своей Звёздочке, что она превращается в Черногривку.

– Ты забыл дать ответ. Разреши, это сделаю я. Ради заработка мне не раз приходилось обтёсывать известняк и мостить улицы. Вымостка состоит из осколков битой посуды и щебня.

Стоит рассыпать осколки и щебень вдоль улиц, как люди и кони втопчут их в землю, и земля станет твёрже камня.

– Вот и пришли! – воскликнул Филл. – Много людей, Арзак?

– Очень. Словно три или пять кочевий собрались вместе.

Улица кончилась. Линии стен сменили ряды прилавков, столиков и плетёных кибиток. И хотя близился полдень – час, когда торговля кончалась, – и большинство горожан уже успели запастись свежей снедью и свежими новостями, ряды всё ещё были заполнены. Торговля шла весело, с криками, прибаутками.

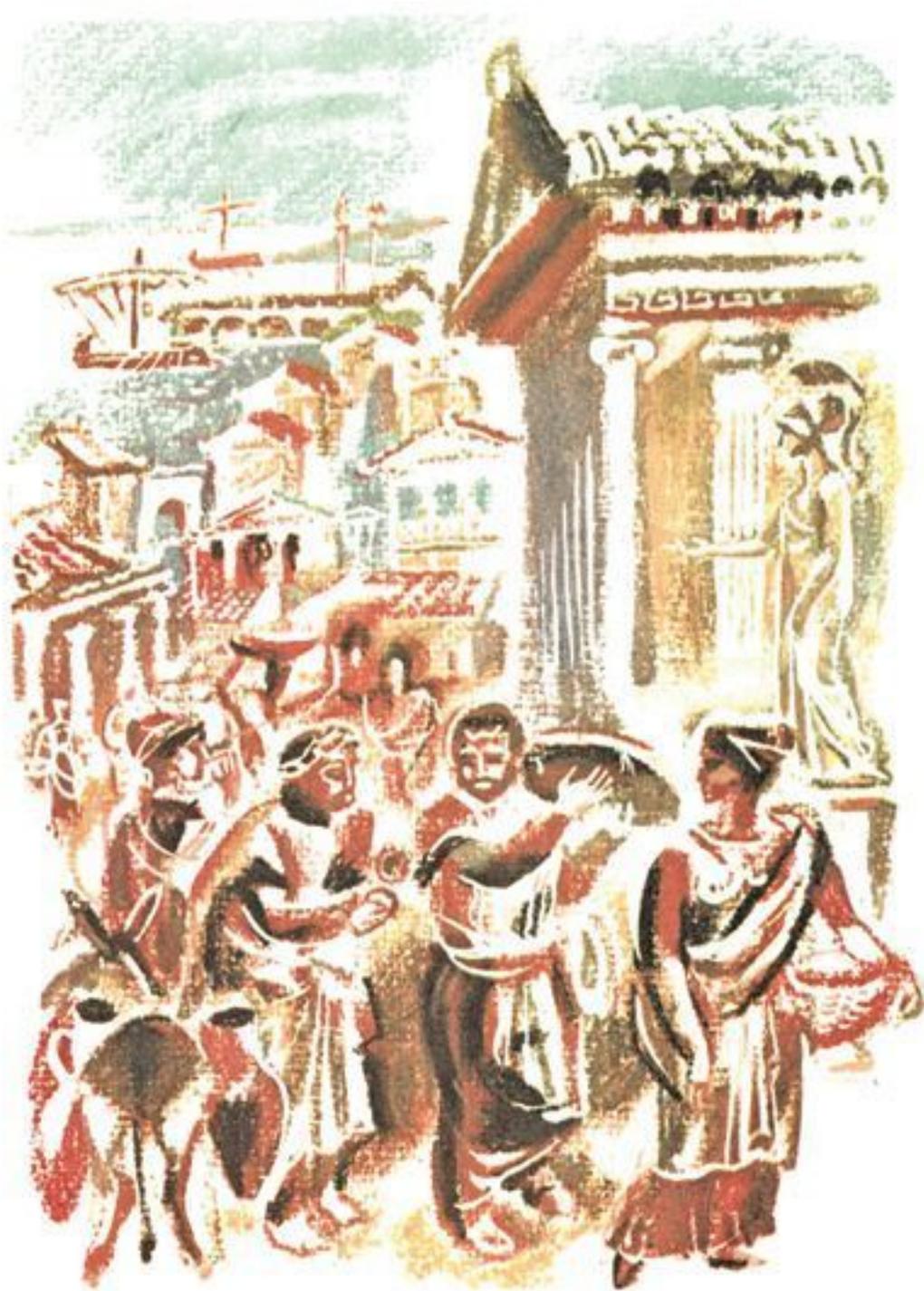
– Ножи-ножички, дому помощнички!

– Амфоры, пифосы, привозные, расписные!

– Мясо вяленое, сушёное, копчёное, на огне мочёное!

– Без ножа в хозяйстве брешь – без посуды как поешь?

Скобяные изделия, глиняные бочки-пифосы, в каждую из которых мог поместиться воин с копьём и щитом, остроносые амфоры – кувшины для вина и оливкового масла, килики – кубки.

- Без посуды дому худо. Купи, хозяин!
- Пирожки на меду! Булочки с изюмом!
- Вода, вода! А вот кому воды? Вода, вода!
- Рыба свежая, чешуя серебряная!

Огурцы, связка лука и чеснока, рыба, мясо, орехи – всё это летело с лотков в корзины – их несли рабы или слуги. Торговцы взамен получали монеты с изображением богини земледелия Деметры. Монеты были литые, крупные.

Разменной мелочью служили «дельфинчики» и «стрелки» – маленькие, отлитые из бронзы фигурки.

Сделав покупки, горожане покидали ряды степенно, словно не они только что торговались до хрипоты из-за каждого «дельфинчика», мяли и нюхали снедь. Шли важно, опираясь на посох, перекинув через руку край плаща-гиматия. Чем полнее была набита корзина в руках слуги, тем больше важности приобретала походка его господина.

Покупки для дома – дело мужчин. Разноцветный хоровод женщин кружил возле столиков ювелиров. Жарким солнцем и светлой луной там сверкали изделия из золота и серебра. Тонкие пальцы перебирали браслеты, кольца, цепочки, шупали нарядные привозные ткани, развешанные на шестах. Ткани покачивались длинными полосами: белые в пёстрых разводах, тёмно-жёлтые, словно осенний мёд, пурпурно-красные, как закат.

– Смотрите, сколько сделано красивых вещей, – сказал Филл. Он тянул Арзака и Ксанфа от столиков ювелиров к тканям, к глиняным красным амфорам в силуэтах чёрных фигур. – Нас, бедных, Зевс не украсил ни пятнами барса, ни гривой льва, ни рогами оленя. Человеку пришлось самому исправлять недосмотр царя богов – одеть и украсить себя.

– Человек придумал искусство, – сказал Ксанф.

– Тебе хорошо говорить «искусство». Ты с детства из корок граната вырезал фигурки лягушек, а из пчелиного воска лепил бычков и собак. А я – то хочу быть торговцем, как был мой отец, объездивший мир, то – поэтом, чтобы суметь описать увиденное.

– Юноша хочет узнать судьбу, что с ним будет и что сбудется? – Перед Филлом вырос иссохший до черноты загорелый человек. На его правой ладони, которую он держал перед грудью, раной зиял обозначенный красной краской круг. – Смотри на круг, юноша, и не отрывай взгляда, пока я буду слушать шум твоей жизни, – гадатель поднёс к уху большую раковину, зажатую в левой руке. – Я вижу путь, – заговорил он тихо и внятно, – он связан с кистью и красками. Имя твоё будет прославлено на берегах Понта. Я слышу шум. Твоя невеста в опасности. У неё голубые глаза и волосы цвета пшеницы. Её нрав беспечен, словно у белки, но ей грозит скорая смерть.

– Всё это глупости, – сказал Ксанф, увидев, как побледнел Филл. – Возьми, – он протянул гадателю три медных «дельфинчика». – В нашем возрасте учат счёт и правописание, а не выбирают невест.

– Детство уходит в юность, юность оборачивается зрелостью. Кто назовёт тот день, когда весна стала летом? – Гадатель исчез. Его высохшая фигура растворилась в толпе.

– Филл, – сказал Ксанф, когда они двинулись дальше, – всем известно, что прыгать и громко смеяться недостойно воспитанного человека, но иметь мрачный вид, идти, хмуря брови и уставив в землю глаза, столь же неприлично. Эллин должен во всём соблюдать меру. Разве не этому учат нас философы и поэты?

– Ах, Ксанф, я думаю о моей невесте с волосами цвета пшеницы. Я хотел бы подарить ей полосатую кошечку и ручного белого журавля. Пусть гуляет с ними в саду и берёт на руки, когда качается на качелях. Или она предпочтёт мяч? Как ты думаешь, Ксанф? Может быть, больше всего её порадует птичка-сойка, приученная носить маленький щит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.